

АРХЕО·ГРАФИКА

№7, май 2017 г. ~ Труды Археографической лаборатории Истфака МГУ

В номере:

ВАСИЛИСА.

Миф или реальность

Александра Азизова, 3 курс

Древлеправославный оптимизм)

Валентин Голубев, 3 курс,
философский ф-т

«ЧЕТВЕРГОВАЯ» СОЛЬ: ее значение в традиционной русской культуре

и современный рецепт
Юлия Сидинкина, 3 курс

ВЕРХОКАМЬЕ:

Хозяйственный календарь

О детях пермских старообрядцев

В.П. Пушков, архлаб

Анна Еремеевна

Н.В. Литвина, архлаб

ЛЮДИ КОСТРОМСКИЕ И ВЕРХОКАМСКИЕ

В этом номере вы увидите материалы о старообрядчестве двух совершенно разных регионов – белокриницкой Костроме и поморском Верхокамье. Причем о костромских впечатлениях 2016 года пишут наши «дети» – студенты-участники полевой археографической практики, а «старшие» – сотрудники археографической лаборатории – представляют исследовательские и полевые материалы прежних лет о традициях и людях Верхокамья.

С владыкой Викентием в селе Спас

Елохино, в гостях у отца Михаила Витушкина

ВАСИЛИСА. Миф или реальность

Чернопенье – небольшое село недалеко от Костромы. В нём расположен детский христианский лагерь «Родничок». Туда и поехала наша экспедиция, чтобы поближе познакомиться с детьми-старообрядцами и их вожатыми, узнать быт лагеря и, возможно, побеседовать со староверами, живущими там.

Храм во имя святителя Николы Чудотворца

Однако разговор сегодня пойдет, как ни странно, не о детях. Удивительной и запоминающейся оказалась встреча с Василисой. Она приехала в детский лагерь вместе со своим внуком из Москвы и осталась работать кухаркой. На кухне мы с ней и познакомились.

Василиса не дала нам возможности поговорить с ней так, как мы обычно разговариваем с нашими героями. Она ушла от подробностей анкетно-биографического характера. Мы не знаем ни года её рождения, ни отчества, ни даже фамилии. На все наши более или менее формальные вопросы, она отвечала историями, которые мы теперь можем назвать «бывальщиной». Василиса рассказывала нам о далеких временах так, будто сама была непосредствен-

ным участником всех событий. Нам известно лишь, что сегодня она ходит на Рогожское (центр старообрядцев белокриницкого согласия в Москве) вместе с внуками, и что её дети не столь религиозны.

Наша беседа началась с того, что Василиса, желая объяснить участникам экспедиции важность знания истории Церкви для любого христианина, начала нас просвещать, придерживаясь хроники от момента зарождения христианства и до наших дней. Она подробно описала многие важные этапы церковной истории: рождение и жизнь Христа, деятельность апостолов, политику императора Константина, которая привела к усилению позиций христианства в Римской империи, крещение Руси, схизму 1054 г., появление протестантства и, конечно, очень важной частью её рассказа стал раскол, который Василиса воспринимает как одну из самых ужасных трагедий в истории Русской Церкви. И только затем начались рассказы, касающиеся истории семьи.

Василиса – человек удивительной судьбы. Родилась она в Китае, куда ушли её родители в годы коллективизации. Мать нашей героини попала в Китай из Советского Союза вместе с родителями. В то время как её отец, который был старше матери почти на десять лет, бежал не просто из родной деревни, а с принудительных работ по сплаву леса. По словам Василисы, отправиться на такую работу было равнозначно смерти, это знали все. Но все равно отец Василисы отправился туда, и уже в пути принял решение бежать из страны. «Каким-то чудом» он оказался в том же месте, куда перебралась его семья – их было трое братьев. Там они и остались жить небольшим анклавом вышедших из Советского Союза людей. Именно в этом поселении родители Василисы и познакомились.

Рассказ Василисы о родителях полон почтительного благоговения перед отцом. Она неоднократно отмечала его находчивость, умения, ответственность, решительность и многие другие качества характера, которые и создают в нашем сознании портрет человека, на которого всегда можно положиться.

Дед Василисы был мастером по строительству мельниц, и он обучал её отца этому ремеслу с раннего детства. После побега в Китай полученные благодаря деду знания помогли не только выжить всему поселению, но и сделали отца Василисы одним из самых авторитетных людей среди бежавших. Таланты предков Василисы по отцовской линии до сих пор почитаются в тех

краях, откуда они ушли. Она заезжала в родные места своих родителей уже в зрелом возрасте, когда возвращалась из Китая на историческую родину.

Но самой запоминающейся из рассказанных Василисой историй, стал сюжет о том, как отец отправился спасать своего брата практически из рук смерти. Поселение бежавших из СССР русских постоянно подвергалось набегам кочевых племен, которые жили поблизости. И в один из таких набегов был схвачен дядя Василисы по отцу. Никто не был готов рисковать своей жизнью для спасения человека, но отец Василисы понял, что он не сможет смотреть в глаза жены и детей брата, если хотя бы не попытается спасти его.

Василиса рассказывает

Он в одиночку отправился в ставку хана, где тот возлежал на подушках в окружении своих охранников. Брат стоял на коленях перед ним, готовый принять смерть. По словам Василисы, когда её отец вошел в ханский шатёр, он практически прервал казнь. Каким-то чудом он смог уговорить хана не убивать брата, убедив его в том, что семья брата не сможет прожить без кормильца. Хан смилостивился и отпустил братьев. Уходя, они пятились назад, боясь поднять глаза, так как отец Василисы прекрасно понимал, что любая мелочь может заставить правителя изменить свое решение.

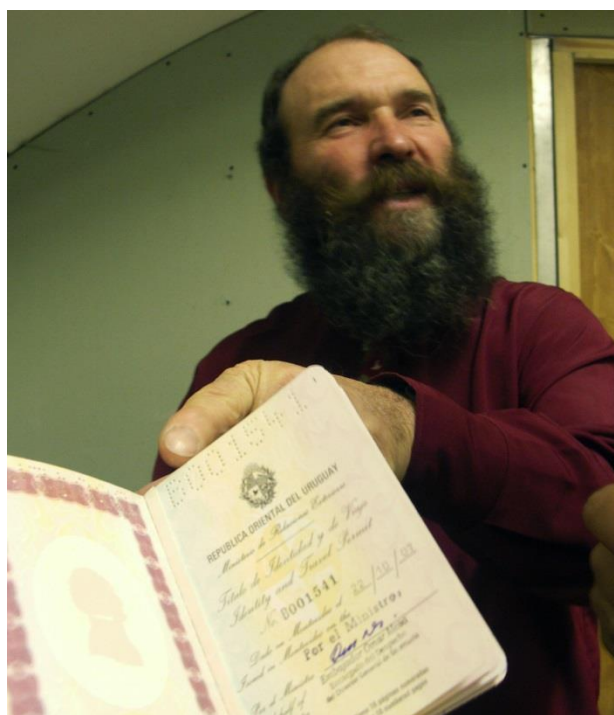
На пути домой слуги хана догнали братьев. Они уже начали думать, что хан сменил милость на гнев. Однако оказалось, что у этого кочевого племени были проблемы со снастями, и они решили узнать, нет ли случаев у братьев с собой крючков. Оказалось, что отец Василисы был крайне предусмотрительным человеком, и у него всегда с собой было всё необходимое для того, чтобы выжить в незнакомой местности, в том числе и рыболовные крючки.

Когда они вернулись домой, отец Василисы стал настоящим героем. Старший из братьев,

который не пошел к хану, боясь, что тогда погибнет вся семья, понял, какую ошибку он совершил. По словам Василисы, после этой истории он неоднократно раскаивался и просил прощения, осознавая, что просто испугался пожертвовать своей жизнью ради спасения брата.

К этой истории нельзя относиться как к историческому источнику, несмотря на то, что мы можем предположить место происхождения семьи – это приграничье долины реки Бухтармы и Синьцзянской области Китая. Тем не менее, для нас более интересно, что современный и еще не старый человек повествует о событиях, которые когда-то услышала от своих родных, как бы это сделали её предки несколько веков назад. Все события она представляет как некую легенду, что всегда было свойственно для старообрядческой устной традиционной культуры.

В конце хотелось бы отметить, что в XX в из Советского Союза бежало множество старообрядцев. О тяготах, связанных с многочисленными переездами, переселением незнакомую страну с абсолютно чуждой культурой и непонятным языком, в своей биографии говорит один из таких переселенцев Данила Зайцев в своей книге «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева» (М.: Альпина нон-фикшн, 2015). Родившись в 1959 г. в Китае, сейчас он является русским старообрядцем-часовенным из Латинской Америки (за свою жизнь он с семьей переезжал уже почти 60 раз).

Данила Терентьевич Зайцев показывает свой уругвайский паспорт

В своем произведении Данила Зайцев довольно много внимания уделяет положению страны в довоенный период, произволу властей, невзгодам, которые его родственникам пришлось пережить. Поэтому и решение покинуть страну не выглядело необоснованным. Несмотря на то, что большая часть жизни Данилы Зайцева прошла в Уругвае и Аргентине, он довольно подробно описывает положение старообрядцев в Китае.

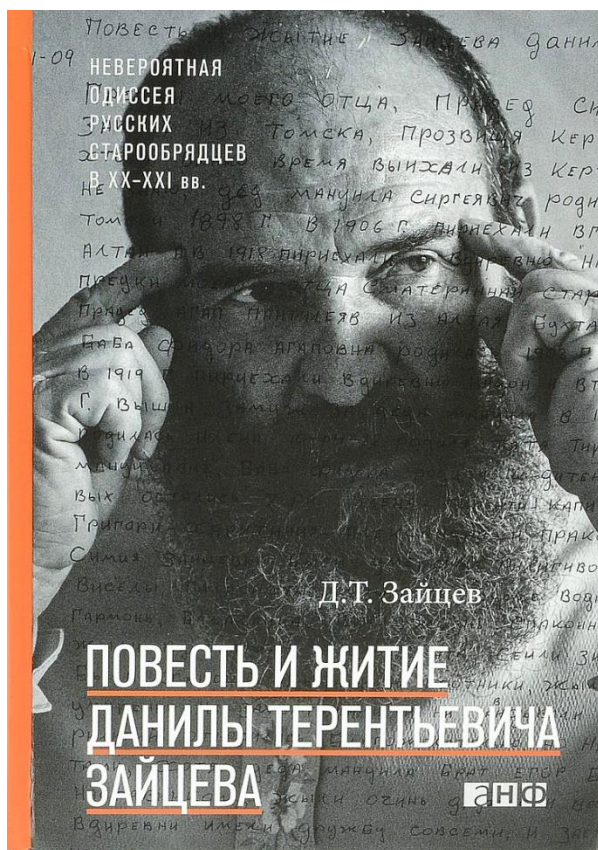
В паспорте Д.Т. Зайцев записан как «китаец»

Фрагмент книги Данилы Зайцева позволяет нам сравнить два рассказа старообрядцев о хронологически и географически близких событиях. Ни Василиса, ни Данила не были очевидцами событий, выросли в разных странах и совершенно различных традициях. Для нас две эти истории – повод задуматься о многих особенностях памяти, восприятия и рассказа.

«1933 год – начин войны, дунганы с Китаем. У дунганов план был завоевать у китайцев провинцию Синьцзян, особенно Горный Алтай. Стали наступать на город Шарасума, по пути к городу каки деревни попадали китайски, вырезали всех, женчин и детей. Ето грозило и русским. Начальник города дутун знал, что китайцам с дунганами не справиться, так как оне невоисты. Обратился к нашим старообрядцам отстоять свой город, так как оне хорошие охотники, только оне могут помогчи. Послал отряд к русским старообрядцам с просьбой подать руку в беде.

Наши боялись ввязываться в такие конфликты. Этот отряд китайцев, который шёл к нашим, – в пути их перехватили дунганы и всех перебили. Один раненый кое-как добрался до нас и сообщил, что дунганы за своим следом ничего не оставляют.

Дутун с просьбой к вам: помогите прогнать дунган. Ежлив оне нас победят, всему населению будет беда и вам, русским, ета же судьба. Тогда наши задумались и решили послать отряд в сорок человек хороших охотников. В пути сорвали один пост, взяли три пленника и указали: «Проводите нас в город Шарасуму, и мы вас убивать не будем, а нет – тут и положим, а в дороге все равно найдём провожатого». Пленники знали, что ето не пустые слова и разговор идет с честными людьми, повинились и ночами провели в город, наши их не тронули и отпустили.

Дутун с радостью принял наших бородачей, и всему городу была большая радость: знали, что к ним пришли славные охотники, которые их кормили мясом.

Тут наши организовались и пошли в наступление. Дунганы почувствовали силу русских, пошли на отступление. Русски сняли осаду с города и погнались за ними вместе с китайцами, прогнали и вернулись в город. Их встретили с великой

радостью. Дутун просил наших остаться в полку, но наши не захотели и уехали домой.

После этого время стало беспокойно. Банды дунганов набегали на деревни и грабили, жгли, казнили и так далее, появлялись советские шпионы и разжигали дунганов. У дунганов было хорошее оружие, откуда оно – конечно, советское, а у наших самодельно, вот и отбивайся как хошь».

Александра Азизова, 3 курс

ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВНЫЙ ОПТИМИЗМ

Присоединяясь к остальным членам экспедиции, я хотел бы предложить и свой незатейливый очерк.

Напомню, что наша экспедиция посетила приход с. Стрельниково, который относится к Белокриницкой иерархии, то есть старообрядцев, приемлющих священство – поповцев.

Именно их, поповцев, протоиерей С.И. Зеньковский – известный исследователь старообрядчества, называл «оптимистами», характеризуя таким термином их еклессиологические взгляды, ибо поповцы не утратили веру в Божественную Благодать, пребывающую на причастниках таинств Святой Церкви. Впрочем, мне думается, старообрядцам не чужд оптимизм мирской, житейская радость, вопреки всё ещё не изжитому стереотипу о хмурых и суровых неприветливых бородачах.

Николай Андреевич Зайцев

Один из первых наших героев – Николай Андреевич Зайцев, задорный старик с живыми глазами и искромётной улыбкой, обрамлённой большой белой бородой. Он с первого взгляда располагает к себе собеседника.

Юношеская любовь к книгам и знаниям, сопряжённая с глубинной, всегда сохранявшейся

религиозностью, была и остаётся стержнем духовной жизни Николая Андреевича.

Он – настоящий самородок, «русский праведник», сошедший со страниц рассказов Лескова. Вера и богопознание в жизни нашего героя всегда сопряжены с чувством, с глубинным мистическим опытом. Вера воспринимается естественно, без особых усилий, она перешла через быт родителей, их образ жизни. Даже в годы юношеских забав, молодцеватого бритёрства, как об этом говорит сам Николай Андреевич, он оставался с Богом.

Поражает в Николае Андреевиче непосредственное, почти родственное восприятие Христа как «брата». Однако это отношение к Богу подпитывается книжной традицией, восприятием Писания, и органично сочетается с благоговением к обряду, как правило, репрезентирующему Христа как Царя. Вот такая Диалектика жизни!

Владыка Викентий

Встреча с Владыкой оставила в моей памяти самые приятные воспоминания. Некогда сельский школьный учитель русского языка и литературы, впрочем, довольно рано ощутивший призвание к служению, принимал нас в своём обычном сельском бревенчатом доме, достав-

шемся ему от родителей. Рядом с домом – пасека и старая банька. В общем, досточтимый Викентий живёт жизнью обычного сельского поселенца.

Труды сельского жителя – пасека, огород, дом сочетаются с административной работой в своей епархии и, пожалуй, ещё более тяжелой ролью тонкого дипломата, которым обязан быть руководитель конфессионального меньшинства, заключённого между огромными и неповоротливыми структурами бюрократической государственной власти и власти официальной господствующей Церкви.

Владыка – очень гостеприимный хозяин. Мы беседовали на кухне с кирпичной старой печкой, где был накрыт стол. Здесь было довольно угощений, но особенно стоит упомянуть домашний квас, чёрную четверговую соль (в этом регионе традиционно запекаемую в печи на страстной седмице) и особо приготовленный мелко тертый чеснок с зеленью.

Помимо вопросов церковного обихода с владыкой было очень интересно обсудить традиции и обычаи костромских, в частности, стрельниковских старообрядцев. Родившийся на костромской земле и много лет проживший в Стрельникове святитель рассказал, например, что на Филипповы заговинны дети обходят дома с пением колядок. А вот на святках не колядуют, зато дворы всех прихожан обходил священник, (как правило, в три подхода – на Рождество, Обрезание и Богоявление) окропляя дома, хозяев и их скотину. В ответ прихожане одаривают священника, чем могут: угощениями или деньгами. Нечто подобное происходит и в день Светлой Пасхи: с пением стихер и тропаря праздника священник следует от одного дома к другому, где его ждут прихожане с праздничными дарами.

Вспоминая своё детство, владыка припомнил пару интересных мальчишеских забав, некогда распространенных в среде юных стрельниковцев. Вот одна из них. Отчистив тыкву от мякоти,

в ней прорезали отверстия наподобие глаз, носа и рта. Потом, предварительно вставив в полую тыкву свечу и взяв её на руки, подходили к дому и стучали в дверь.

Во время нашей непринуждённой беседы, соседи сообщили владыке, что у него улётел рой пчёл. Наш собеседник не растерялся: он взял улей-ловушку, а я подхватил стремянку, и мы быстро направились к липе, которую облюбовал мятежный рой. Признаюсь честно, я первый раз в жизни увидел архиерея, бойко взбирающегося по стволу дерева с громоздкой деревянной ловушкой на плечах, покрытых небольшой потёртой мантией с красной оторочкой. Пожалуй, это поразит всякого новообрядца, привыкшего к недоступному, почти скульптурному образу владыки – князя Церкви.

Всё это показалась мне тогда глубоко символично... «Пастырь добрый душу свою полагает за овцы» – носилось в голове. Наверное, истинный пастырь с таким же рвением и самоотречением заботится о заблудших душах, как владыка об улётевшем рое. Для меня это стало своего рода знаком, образом того долгого и сложного пастырского пути нашего героя, требовавшего, несомненно, самоотречения и мужества, о котором нам не довелось, да пожалуй, и не следует знать. Судьбы навсегда покинувших «Церковный улей» и судьбы спасённых и обрётённых душ были показаны нам лишь прикровенно, в маленькой бытовой сценке.

Праздник

Праздник Святых Первоверховных Апостол Петра и Павла был отмечен архиерейским богослужением с участием владыки Викентия и традиционным крестным ходом. Присутствие на богослужении позволило нашей исследовательской группе познакомиться с особой певческой традицией, давно сформировавшейся в покровском приходе.

По словам Досточтимого владыки, традиция особого празднования этой даты в Стрельниковском приходе имеет необычное происхождение.

Храм освящён во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а отнюдь не в честь Петра и Павла, нет в нём и особой местной чудотворной иконы «Первоверховных апостол». Однако в ближайшем селе Шуньге стоит большой новообрядческий храм Петра и Павла – здесь-то и разгадка тайны. В прежние времена, когда в Шуньге справляли престольный праздник, бурное веселье доходило и до Стрельниково. Видимо пресечь любовь стрельниковцев отмечать на широкую ногу вместе с жителями Шуньги память апостолов Петра и Павла у местного духовенства не получилось, и тогда эту новую, стихийно возникшую в народе традицию решили оформить литургически и учредили ежегодный крестный ход на Петра и Павла.

Это очередной пример влияния новообрядческой среды, окружающей стрельниковскую общину. Впрочем, это заимствование лишь обогатило литургическую жизнь прихода, не повредив чистоте «веры отцов».

Отец Павел

С о. Павлом мы беседовали после вечернего богослужения в Покровском храме.

Он оказался общительным и приятным собеседником. Говорили о разном: о буднях воскресной школы, о проблеме обмирщения среди прихожан и о многом другом. Из этой длинной беседы позволю себе упомянуть лишь один особенно примечательный эпизод:

– Отец Павел, а вы видели когда-нибудь почивших во сне, разговаривали с ними?

– Снам верить нельзя, это ведь всё суеверия. Но, вот, был один сон: однажды в тонком сне я увидел маму, она шла около храма в красивом сарафане. Я спросил у неё: «Кто такие

ангелы?». «Ангелы, ангелы – это, как мысль», – ответила она.

Поистине, метафора достойная высокого богословия!

Иконописец Вячеслав

Это пример строгого в вере, иссушившего плоть постом, высокого, с ясными большими глазами и окладистой тёмной бородой, русского христианина. При встрече с Вячеславом сразу вспоминаются строки из постановлений стоглавого собора: «Подобает быть живописцу смиренну, кротку, благоговейну, не празднословцу, не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьянице, не грабителю, не убийце; особенно же хранить чистоту душевную и телесную, со всяким опасением».

Для Вячеслава соборное слово Церкви, её традиция – предмет глубокого почитания. Это тот член Церкви, который не сядет за трапезу с иноверцем, не примет молитвенный образ, написанный членом господствующей Церкви (даже если он каноничен), и долго будет терзаться сомнениями, прежде чем принять что-либо в дар от инославного. Это член общины, для которого ритуальная чистота – принцип жизни. Однако эта трепетность в соблюдении церковных предписаний сочетается в нашем герое с крайней мягкостью характера и искренней христианской чуткостью к ближнему.

Вячеслав оказался очень интересным, начитанным собеседником: за разговором он вспоми-

нал постановления Стоглава, «Письмо к иконописцу» Иосифа Волоцкого и даже «Богословие иконы Православной Церкви» Л. Успенского.

Меня интересовала также история творческого пути Вячеслава. Мой собеседник получил среднее художественное образование, иконописи же преимущественно обучался сам, по книгам, но и советовался с мастерами – профессионалами. Вячеслав не боялся осваивать различные техники, испытывая их преимущества и недостатки на практике: так, он, например, заметил, что цировка (узорная резьба по грунту) увеличивает риск деформации левкаса, порой, приводит к образованию трещин поверх красочного слоя. Верный традициям, он не искуссился доступностью фабричной клеевой темперы (вид краски), но сам растирает пигменты с яичной эмульсией, как это делали встарь.

Помимо искусства иконописи Вячеслав освоил и искусство реставрации старинных образов, что помогает приходу Преображенского собора, изобилующего старинными иконами, решать насущную проблему сохранения и поновления икон. К сожалению, я так и не успел в подробностях узнать каковы особенности техники реставрации, практикуемой Вячеславом.

Моя беседа с Вячеславом была очень долгой, как это всегда и происходит с собеседником живого ума и доброго сердца. Можно сказать, что это один из немногих, если не единственный респондент, который оправдал в самом лучшем смысле этого слова мой давний стереотип полужитийного образа старообрядца-начётчика, старообрядца незримых скитов и благочестивых преданий, почти что с детства обитающий в моём сознании.

Не смотря на различие богословских позиций, жизненного пути, положения в общине, моих собеседников объединяло далёкое от слепого догматизма и безрассудного фанатизма живое и осознанное отношение к своей вере, сочетающееся с внутренней радостью, упованием на Спасителя, которые придают жизни смысл, наполняют быт оптимизмом.

Валентин Голубев, 3 курс, философский ф-т

«ЧЕТВЕРГОВАЯ» СОЛЬ: ее значение в традиционной русской культуре и современный рецепт

– Да-да, вот так вот берешь кусочек хлеба, посыпашь солью и ешь! Ну, как, попробовала?

– Да. Хм, а это, оказывается, вкусно! – сказала я, тщательно пережевывая предложенное хозяйкой угощение.

– Ну еще бы!

Нина Ивановна Солунина рассказывает

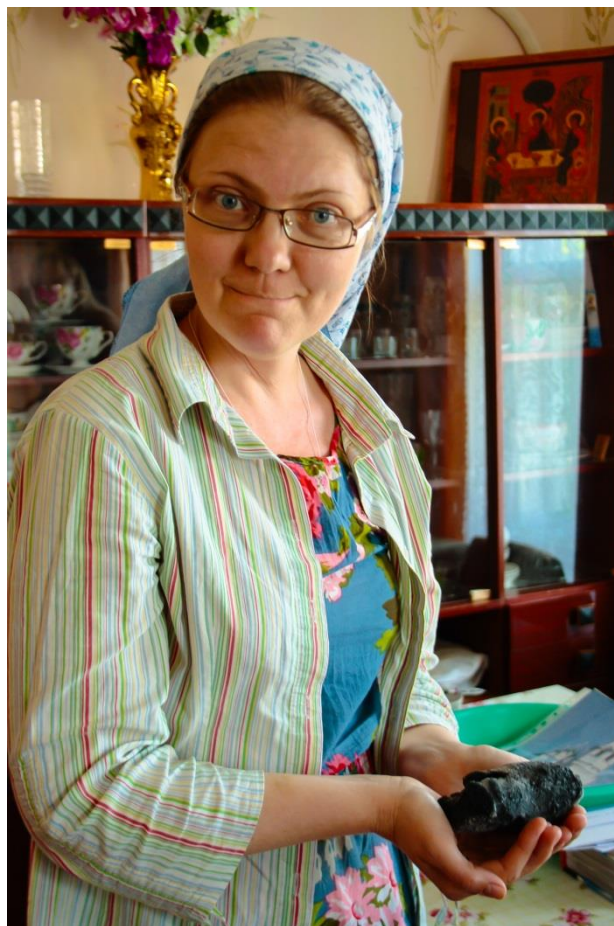
Диалог примерно такого содержания у нас состоялся с одной из наших хороших знакомых в деревне Стрельниково Костромского района Костромской области. А речь шла о таком необычном и почти незнакомом мне продукте, как четверговая соль. С одной стороны, мы постоянно слышим это название в повседневной жизни; в лучших ресторанах, отмеченных звездами Мишлена Вам, скорее всего, среди нескольких видов соли принесут еще и, так называемую, «черную», «четверговую» или «четвержную» соль. Если попробовать поискать информацию об этой соли в сети интернет, Вас наверняка перенаправят на сайты, связанные с народными суевериями, язычеством, а порой и магическими ритуалами самого разнообразного и даже сомнительного характера. Это выглядит очень странным, поскольку подобный продукт, казалось бы, не может использоваться в подобных «действиях». Кроме того, не каждый знает, да и мало кто задумывается о том, откуда происходит традиция приготовления этого продукта, каково его место в культуре (в частности, православной) и как именно его готовят. Нам необходимо понять, можно ли считать приготовление «черной» соли чисто церковной практикой, либо она существовала задолго до проникновения христианства на Русь, а затем органично вписалась в православную традицию.

Четверговая соль является неотъемлемой частью православной культуры, формировавшейся на протяжении почти тысячелетнего периода, поэтому данный феномен неоднократно исследовался учеными. Существует несколько работ, по большей части имеющих этнографическую и церковно-историческую направленность.

Одной из первых таких работ следует назвать книгу С.В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила», изданную в 1903 году в Санкт-Петербурге. Пожалуй, это первое комплексное исследование по истории традиционной русской культуры, затрагивающее интересующую нас проблему. Автор описывает народные суеверия: веру в силы природы, в нечистые силы, а также исследует православные праздники. Эта работа была высоко оценена уже современниками автора, поскольку последний пользовался не только общеизвестными фактами, но и собственными наблюдениями, собранными им в многочисленных «хождениях в народ». Фиксация подобных явлений народной культуры делает эту книгу ценным источником по данному вопросу. Следует отметить, что интерес к этой тематике возобновляется только после распада СССР, советскими же этнографами феномен практически не изучался. Среди современных исследователей необходимо выделить А.А. Людсковскую. Ее статья под названием «Черная соль» была опубликована в журнале «Вокруг света». Немаловажную информацию по этому вопросу мы найдем и у А.Л. Топоркова в статье «Хлеб да соль» в журнале «Родина» и у Т.А. Агапкиной в «Пасхальных праздниках», опубликованных в том же журнале. Небольшая заметка по данному вопросу есть у В.Г. Холодной на портале Российского этнографического музея. Таким образом, можно сказать, что исследований, посвященных конкретно этому загадочному продукту крайне мало, этот вопрос чаще исследуется в контексте всей православной традиции как неотъемлемая часть обряда очищения.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что традиция наделяния четверговой соли чудодейственными свойствами существовала задолго до принятия христианства, еще у славян-язычников. В народных представлениях славян хлеб и соль считались очень мощными оберегами. Существовало множество обрядов, где применялась соль, однако даже для человека того времени это был важный продукт, к которому необходимо относиться серьезно. К тому же, тогда название «четверговая» не суще-

ствовало. Традиция приготовления соли именно в этот единственный день – в Великий четверг – и, соответственно, само ее название, закрепляются только в XII–XIII вв. С проникновением христианства на Русь языческие обряды не исчезли, люди продолжали верить в духов, а в случае недуга обращаться к волхвам и знахарям. Соответственно, традиция приготовления четверговой соли постепенно стала одним из обрядов очищения: люди в Чистый четверг не только топили баню и мылись, прибирали дом, но и очищались духовно. Именно этой цели была призвана служить четверговая соль. Подобного обряда мы не найдем у католиков или, например, протестантов, поскольку он был привнесен русской народной культурой, основанной на языческих поверьях, в церковную традицию – традицию православную.

Н.В. Литвина держит в руках подарок – четверговую соль

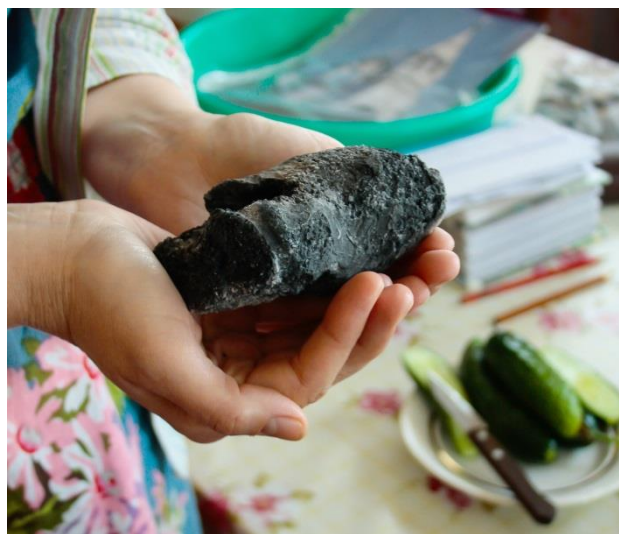
Первое упоминание о четверговой соли в «официальных» источниках мы найдем в Стоглаве 1551 года. Вот что мы читаем: «Заповедати в Великий бы четверток порану соломы не палили и мертвых не кликали, и соли бы попы под престол в Великий четверг не клали и до седмаго бы четверга по Велице дни не держали,

понеже такова прелесть еллинская и хула еретическая. И который поп таковая сотворит, и тому быти по священным правилам во отлучении и в конечном извержении». Это не просто упоминание, это как бы ответ на языческую очистительную традицию. Стоглав впервые принялся бороться с «еретическим обычаем» и в результате не позволил получить «санкцию» на освящение соли, несмотря на то, что взаимовлияние простого народа и священства было огромно. Причем запрет действовал только на освящение соли, а вот «Молитва над солию» существовала. Она есть в Требнике: «Боже спасителю нашъ, пришедый во Иерихонъ при Елисеи пророцѣ, вредныя воды солию исцѣливый, самъ благослови и соль сѣю, и преложи ю въ жертву радованиа. Ты бое си Богъ нашъ, и тебе славу возсылаемъ, Отцу, и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь». Таким образом, в сущности древнему языческому обряду удалось прочно закрепиться в народном сознании православного человека и в церковной традиции, несмотря на все попытки официальной Церкви этому противодействовать.

Как пишет А.А. Людкинская в своей статье, традиция приготовления «черной» соли была распространена в Нижегородской, Ярославской, Московской и Владимирской губерниях, однако в дальнейшем распространилось на более значительную территорию и даже добралась до Сибири. Рецепты были очень разнообразны, каждая губерния имела свой классический рецепт. Обычай продолжал существовать в рамках православной культуры вплоть до начала XX века, когда под влиянием коренных изменений всех сторон жизни населения бывшей Российской Империи рецепты были практически утрачены. Однако некоторые из них удалось возродить, а старообрядческая культура смогла как бы «законсервировать» этот обычай и донести его до нашего времени. Именно поэтому для нас было так важно поподробнее узнать про рецепт, характерный для Костромской области.

Рецепт приготовления соли, полученный в ходе работы Археографической экспедиции в Костромской области, состоит примерно в следующем. После службы в Великий четверг пекут так называемый «великий четверток». Для его приготовления берут 5 буханок хлеба и 5 пачек соли. Перед этим нужно обязательно прочитать молитву. Затем хлеб мелко разламывают, смачивают его водой, чтобы вся масса стала немного вязкой. После необходимо смешать 1 размоченную буханку хлеба с 1 пачкой соли и тща-

тельно вымесить. Со всеми остальными буханками проделать то же самое. И только потом смешать все пять «порций». Заготовленную хлебную массу отставляют и переходят к другому этапу. Теперь нужно взять старенькие тонкие полотенца и нарвать их на квадраты размером примерно 25*25 сантиметров. Из хлебной массы скатать небольшие «колбаски» и завернуть в полотенца. Заворачивать нужно очень плотно, чтобы ни один пузырек воздуха не попал! Затем все разгладить и закрутить вязочками. Важно не использовать синтетические материалы, только ткани натурального происхождения.

Пока делают «колбаски», нужно растопить печь. На подготовленную поленницу накладывают получившиеся «колбаски», и ткань, в которую они завернуты, обгорают на сильном огне. Хотя ткань может обгореть быстро, это вовсе не означает, что соль готова. Поэтому ее отправляют в топку до готовности. В конце соль вынимают из печи и либо хранят в том виде, в котором она получилась, либо разламывают на более мелкие порции. Важно, что готовят только одну «партию» – то есть только в Чистый четверг. В течение всего года готовить соль больше нельзя, поэтому полученный запас стараются использовать, до следующего Великого четверга.

Таким образом, «черную» соль можно считать еще одним подтверждением двойственного характера традиционной русской культуры: в основу ее легли некоторые поверья славян-язычников, а уже в дальнейшем христианство как бы постепенно «наслаивалось» на эту самую основу. И в сборнике «Пословиц русского народа» мы сталкиваемся с описанием такого обычая: «В Великий четверток калят соль с квасной гущей. Четверговая соль полезная». Подобное

утверждение еще раз подкрепляет исключительную важность этого продукта и его пользу для здоровья человека.

Юлия Сидинкина, 3 курс

ВЕРХОКАМЬЕ. Хозяйственный календарь

Жизнедеятельность крестьянства, естественно, имела сезонную составляющую, которая оказывала определяющее влияние на непрерывный цикл сельхозработ.

В зависимости от масштабов своих работ разные авторы описывают его на уровне губернии, уезда, волости и даже отдельных поселков и семей. Большое внимание своевременности и правильности сезонных работ уделяли помещицы инструкции уже первой четверти 18 в. В своем классическом труде по описанию региональной экономики рубежа 18–19 вв. Нил Попов выделил рубрику «Обыкновенное течение и последствие ежегодных деревенских упражнений по временам года и месяцам». (Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. III. СПб., 1813. С. 349–352), а для крепостных крестьян Строгановых Оханского уезда середины 19 века мы имеем «Хозяйственный календарь домашним и полевым работам крестьян

Карагайского ведомства по Оханскому уезду» середины 19 в. (Вологдин. // Пермский край. Вып. 3. Пермь, 1895. С. 222–224). По авторитетному мнению этих известных специалистов, существовала следующая последовательность работ. Всю зиму главным делом в крестьянском хозяйстве был обмолот и размол хлеба, а также вывоз его в зерне и муке «для вольной продажи». Женщины усердно в это время прядут, чтобы по весне из изготовленной пряжи можно было соткать больше холстов. Тогда же усиленно вывозят сено с покосов, а из леса заготовленные весной дрова. Приписные («подзаводские») крестьяне вывозят в заводы уголь из угольных ям («курней»), многолошадные занимаются извозным промыслом. На исходе зимы и в начале весны (февраль–март) продолжается и завершается обмолот хлеба и перевозка древесного угля, чинят старую и делают новую конскую упряжь, а женщины продолжают прядь лен и шить белье.

Евдокия Александровна Чадова прядет. 1999 г.

По завершении молотбы рубят дрова и лес для домашних потребностей. В феврале верхокамские бедняки уходили на заработки в заводы Пермской, Екатеринбургской губерний и в Кунгурский уезд, а в марте они нанимались к богатым крестьянам соседних сел на обмолот хлеба, тогда же (в марте) снаряжались и отправлялись в путь караваны заводских грузов. В апреле в основном занимались ремонтом и приведением в порядок жилых и хозяйственных помещений, ремонтом и изготовлением сельскохозяйственного инвентаря (в том числе рубкой дров для углежжения), заготовкой топлива. Женщины золят и шьют холсты, а в конце месяца начинается вспашка полей под яровые посевы. В мае основное дело – это вспашка и посев яровых культур (до 20 числа), а также распаханье пара под озимые (после 20). Много вни-

мания уделялось устройству и ремонту изгородей для охраны своих пашенных полей («перемен») и лугов, а в конце месяца необходимо было устраивать изгороди и у новых полей. Женщины продолжают усердно ткать холсты, шить белье, а их дочери плести кружева и вышивать узоры...

В начале июня завершалась вспашка и бороньба паровой земли (некоторые крестьяне успевали даже до конца месяца провести повторную вспашку пара – «удвоить» его), после чего резали и вязали веники; кто побогаче, занимались извозом, а бедные до конца месяца нанимались на разные хозяйственные работы в соседние села. Наиболее трудозатратным следует признать июль месяц, в начале которого разворачивалась «ставка» сена, а с 26 числа начиналась жатва озимых (страда), когда всё трудоспособное население убирало урожай, оставляя в деревнях одних стариков для приготовления пищи и присмотра за малолетними детьми.

С первых чисел и до середины августа одновременно со вспашкой и посевом озимых полей продолжалась жатва и уборка хлеба с полей в скирды («обносить остожьем клады и сенные зароды»). Во второй же половине этого месяца происходит только жатва и уборка всех остальных зерновых культур, которая продолжается до середины сентября, после чего крестьяне занимались заготовкой топлива на зиму, а бедняки уходили на заработки «для снискания подати». В сентябре мочили также коноплю и «лубьё», стелили лен, уходили на заводы «для кладки куренных дров в кучи, дернения, осыпки землей и жжения угля». Оставшиеся дома поправляли жилые и хозяйственные постройки, женщины обрабатывали лен и посконь (мяли, трепали, чесали), убрали огородные культуры, рубили и заготавливали капусту. В октябре из скотных дворов вывозили навоз для удобрения пахотных полей, добывали и отвозили лесоматериалы для постройки новых и ремонта старых построек.

материалы для постройки новых и ремонта старых построек. В этом месяце надо было сдавать хлеб «в подушный и владельческий сбор», а также возвращать в запасные магазины занятый на продовольствие и обсеменение хлеб; началась перевозка угля на заводы и обмолот хлеба, который усиливался в ноябре, а избыток хлеба в зерне вывозился «для вольной продажи» в Ильинское, ближние заводы, Пермь и Глазов, а вырученные от него деньги шли на уплату казенных податей и «владельческого поземельного налога».

Постоянное упоминание Вологдиным бедняков при характеристике сельскохозяйственного календаря крепостных крестьян Карагайской волости Пермского нераздельного имения Строгановых вполне убедительно свидетельствует о далеко зашедшей в течение полувека имущественной дифференциации верхокамской деревни, которая необходимо должна была усилиться после отмены крепостного права.

В.П. Пушков, архлаб

О детях пермских старообрядцев

Верхокамье. Фото Д.Роджерса, 1994 г.

Несмотря на то, что дети до 16 лет вплоть до начала 20 в. составляли абсолютное большинство населения старообрядческих регионов огромной Пермской губернии, официальные свидетельства об их положении крайне скудны. Тем ценнее немногочисленные сведения, которые удалось извлечь из бумаг архива Строгановых в РГАДА и наблюдений современников. Предварительно отметим, что по данным ревизских сказок 18–19 вв. девочек было несколько больше, чем мальчиков, причем в среднем они чаще рождались первыми, так что были примерно на 1–1,5 года старше своих братьев. Поэтому во второй половине 18 – первой

половине 19 в. в составе больших крестьянских семей иногда встречались супружеские пары с мужьями до 16 лет (в таком же возрасте были и их взрослые отцы при рождении первенцев). Изредка юношей 15–16 лет даже забирали в рекруты.

По авторитетному мнению архимандрита Палладия, беспоповцы в середине 19 в. с ранних лет обучали своих детей кириллической грамоте («читать и писать по-славянски») и церковному пению, привлекая к этому делу наставников, скитников, иноков, а в предреформенное время у них даже стали появляться и светские учебники по арифметике. Все воспитание детей в поморской среде отличалось большой строгостью, но по взрослению им представлялась «полная свобода». При таком положении понятен был, например, отказ в 1844 г. Сепычевской волости Верхокамья от устройства в ней официальной школы, однако спустя полвека сами стали просить земство об открытии школ, что свидетельствовало о понимании светского образования для своих детей.

Немаловажно, что обучение детей грамоте у поморцев совмещалось с их трудовым воспитанием, которое, надо думать, не отличалось от следующих наблюдений Н.С. Попова начала XIX в.:

Весной крестьянские мальчики под присмотром стариков боронили вспаханные поля, в сенокос они помогали сгребать и возить сено и уже до 10 лет начинали учиться косить, а при жатве носили и ставили в суслоны снопы, причем учиться жать иногда начинали даже в 7-8 лет, для чего был особый детский инвентарь. В страду, учась ездить верхом на лошадях, гоняли коней на водопой и по велению старших кормили их сеном и соломой. Осенью и зимой мальчики ставили и высаживали снопы для сушки в овинах, а при обмолоте снимали со снопов вязку; учились плести лапти, вязать «одногольные» (крючком) чулки и др. Девочки же помогали матерям в приготовлении пищи, учились прясть, плести кружева и вышивать узоры, а при ткачестве насекали цевки, подавали основу в ниченки и берда; постепенно учились ткать и белить холсты, шить белье; немного позже мальчиков также приучались косить траву и грести сено, жать хлеба.

Зимние развлечения верхокамских детей – катания с горки. Фото Е. Литвяк, 2001 г.

По «Положению» об управлении Пермским нераздельным имением графини Соф. Вл. Строгановой от 1837 г. по жалобам родителей их «зловредные дети» могли наказываться за непослушание или «распутство». Например, «если распутству предается девка, которой по летам следовало уже быть замужем», то достаточно логично половина причитавшегося ей наказания назначалась ее отцу, а при его отсутствии матери, а сводники («помогающие непотребству люди») подвергались очень суровому наказанию – от 25 до 50 ударов розгами и назначались в «безсменные работники или работницы на 2 года». Однако не достигшие 16 лет девушки подвергались половинному телесному наказанию по сравнению с совершеннолетними мужчинами. Все телесные экзекуции по решению крестьянского суда проводились перед домом его старейшего члена в

присутствии соседей, а отец виновного при желании имел право самолично публично высечь своего сына. Отмеченные нормы вотчинного права реализовывались в отложившихся в архивах решениях волостных судов.

В.П. Пушков, архлаб

Анна Еремеевна

Виктор Петрович Пушков ездил с нами в верхокамские экспедиции несколько раз в далекие уже 1990-е годы. И с тех пор постоянно занимается трудоемким и бесценным делом – архивными и историографическими раскопками, касающимися того края Пермской губернии, которое в начале 18 века и было названо «Верхокамье».

Но я пишу этот текст не столько ради отраженного света древности в современных старообрядцах, а скорее, чтобы поговорить об одном человеке – старообрядке поморского согласия Анне Еремеевне Булдаковой. Это возможность начать разговор о нарративе и его великой силе, даже если рассказ не складывается в историю в литературном смысле слова.

Мы познакомились с Анной Еремеевной в 1996 году, встречались множество раз, сопровождали на молениях, в самых разных хозяйственных делах, жили у нее дома, бесконечно разговаривали, но биографию, т.е. привычную историю, Анны написать не смогли, хотя вот уже минули сорочины после ее смерти. Дело в том, что рассказывать о своем детстве и юности она не любила, хотя сама о себе говорила «язык-от – колоколó».

Вот фрагмент моего дневника экспедиции 2001 года: **«28.07.** К Анне Еремеевне упрямо ходила каждый божий день. Она решительно не желала обсуждать вопросы личного свойства. О спасении души и проблемах собора – пожалуйста, а детство оставь в покое – “не помню”. <...> **4.08.** Днем мы с Леной Исаевой и Лехой [Алексеем Безгодовым – Н.Л.] пошли к Еремеевне – Мартемьянычу [муж Анны Еремеевны – Н.Л.]. Леха “убил” Еремеевну своими зычными вопросами к Гавриле на тему брака и внебрачного сына. Гаврила ревел во всю глотку: “Да, не рóдит, дак чё! Роди сама, дак если не может!”» Детей у Анны Еремеевны не было, но кроме этой, видимо были и другие болезненные темы, которые ей совсем не хотелось обсуждать.

Зато Гаврила Мартемьянович, ветеран Великой Отечественной войны, старший сержант 27-й гвардейской стрелковой дивизии, о своем довоенном детстве рассказывал: “Отец вырастил нас. Конечно, он Богу молился. На 90-м году умер где-то в 50-м году”. Как в детстве жилось? – “Полуголодом сидели. В колхозах рóбили на трудодни, а мы рóбить не провóрили [не могли – Н.Л.], малы были. Я потом запровóрил на лошадке ездить, копы возить, да чё. Наша жись нелёгкая”. Отец молиться заставлял? – “Не умели дак. Мать верующая была. Родители по книге рассказывали, читать учили. За стол обязательно молиться надо было. Иначе не накормят. Полуголодные росли. На трудодни хлеб не дают. Сами не провóрим зарабатывать. Потом запровóрили, стали зарабатывать трудодни. До колхозов жили “по единоличному. Хозяйство было большое”.

Обычно дед Гаврила выглядел сердитым, вместе с богатырским обликом и темной косматой бородой вызывал трепет. Маленькую бабушку Анну хотелось пожалеть. Но без нее он сразу терялся и тосковал.

После его смерти мужа Анна пригласила к себе жить подругу и духовницу их старообрядческого собора, пережившую пожар, Евдокию Александровну. Приглашала потому, что «карахтер» схож.

Анна долго не разрешала себя снимать, я думала из-за запрета по вере, а потом оказалось – “не баскá” потому что. А потом ей стало все равно, после смерти мужа, получилось несколько лет съемок. Но всегда было как-то тревожно направлять камеру – закрывает лицо руками, вдруг всерьез.

Речь Анны Еремеевны превращала слушателя в соляной столп, особенно с непривычки. Она говорила негромким доверительным голосом, особенной верхокамской речью, опираясь в исчислении времени действия на хозяйственные дела. Чтобы понять все сказанное да еще вычленить и цепочку событий, и нюансы взаимоотношений, надо быть подготовленным и очень сосредоточенным. Думаю, читателю этой речи еще труднее, ведь за тысячей завес в ней скрыта простая деревенская повседневность верующего человека, но без помощи ее не понять. Когда мы слушали Анну у нее дома, грея спины о печку, лежа на железной кровати или на полу вповалку, когда нас приезжало много, сам дом и все, что в нем помогали вникнуть.

О Верхокамье написано более двухсот статей и монографий не меньше полутора десятков. В каждом исследовании так или иначе указывается география (приграничье Республики Удмуртия и Пермского края), особенности заселения района старообрядцами (первые скиты на рубеже 17-18 вв., преемственность от Выговских духовных отцов в 30-х годах 18 века), специфика старообрядческого согласия (единое поморское общество разделилось на «деминцев» и «максимовцев» во второй половине 19 века), а зачатую и особенности веры и повседневности, предпочтения в выборе духовных стихов и книг Святых Отцов, запретов, исполняемых «мирскими» и «соборными» и многое другое.

В 2000-х годах «соборных» старообрядцев в Верхокамье хоть «максимовских», хоть «деминских» осталось около 150 человек, приблизительно 10-12 в каждом «соборе». Соборами в Верхокамье называются общины верующих, принявших исполнение запретов, усиленное моление. Важнейший в своей жизни шаг «пойти в собор», стать «соборной» или, как говорят в Верхокамье, «положить начал», сейчас совершают спустя годы после выхода на пенсию. До этого обычно несколько лет ходят на моления «помирски», помогать читать и петь, а заодно учиться. Мы уже публиковали высказывание об этом подруги Анны Еремеевны Анисьи Никитьевны Годоваловой, которое здесь приводим кратко.

«В собор пошла, когда ноги стали болеть. Приобщаются так: сначала «ложат простой начал», потом исповедуют. Пришли с вечера, помолились. Потом поспали, встали умылись. Утром Лукерья Кондратьевна (духовница) говорит: «Ты хотела начал ложить, дак давай, становись». Пелагея Матвеевна, слепая которая, говорила «как чё делать». Начал обычный, как утром и вечером: три поклона земных, потом «Благослови Бог начал положить», еще пять поклонов. Это восемь поклонов будет. Тогда говоришь: «Простите Отче святые рабу божью Анисью», – прощаешься в своих грехах, – «чужие грехи осуждаю, свои покрываю». Тогда спрашивают: «что грешила, может что чужое брала, может с кем ругалась, плясала может, песни пела?» Как де не пела, молода была, чё там! «Может воровала?» – Я воровать не воровала, а во время войны ходили на поле тожо. Попрощалась, потом говорят: «Простите Отче святые рабу божью Анисью от материного порождения, от святого крещения по сейчас прихожу вся в грехах. Помню – не помню, ведаю – не ведаю, все грехи за мной».

«Запреты» со временем содержат все меньше ограничений. Еще в начале 2000-х гг. человек должен был отказаться от любой «магазинской» еды, а есть только выращенное или добытое самостоятельно или единоверцами и только из своей посуды, не смешивая ее с посудой «мирских». Женщина могла ходить только в старого кроя сарафане-«дубасе», двух платках, двух поясах (внутреннем и внешнем). Важно было отмаливать увеличенное домашнее молебное правило – не просто «большой начал», а ежедневный круг, по крайней мере, полуночицу и утреню, по неграмотности заменяя их поклонами с Иисусовой молитвой, участвовать по мере

сил в соборных молениях, принимать милостыню и обязательно ее отмаливать.

К тому небольшому монологу Анны Еремеевны, который привожу ниже, можно и нужно очень многое комментировать. Но здесь я ограничусь только одной ремаркой: когда в максимовском и деминском соборах поселка Северный Коммунар, где жила Анна, стало совсем мало соборных, старообрядцы обоих согласий иногда собирались молиться совместно, подмечая и характеризуя разницу в ведении службы. Анна Еремеевна и Евдокия Александровна (духовница) принадлежат деминскому собору, а упоминаемый в рассказе Иван Семенович и Мария Ивановна Урбель (Урбелиха – по фамилии мужа) – к максимовскому.

Анна Еремеевна: «То ли три года назадъ тому, то ли два года назадъ тому – не знаю сколь. Юля-то нас звала с обеда, а их-от звала з утра, максимовских-то. А Евдокия-то пришла к нам. А я... у Гриши сено грузили, видимо, или чё ли. Но факт то, что я на покосе у Гриши-то была. Домой-то прихожу, Гаврила и говорит: “Евдокия Александровна здесь”. А в тот год шибко малина была. Она в малиннике тут у нас, около ямы маленько есь. Она берёт малину, я к ей пришла. “Ой, я говорю, Евдокия, ведь они по Анне зовут, молиться-то по которой”. Она и говорит: “Обшая Миня есь?” Я говорю: “Есь. А мы, – говорю, – званы только это, с обеда”. Мало подождала, через огород Семёнович шумит. Ну, раз шумит, мы его пустили, подсоветовали. А чё и, сёдне роблю, завтра роблю, посезавтра все этто, в походе. Досуг мне? У меня хлеб в целофановом кошелёчке весь затуснет, я всё с собой вожу его. Сколь серёдку выложу, остатки домой привезу, гушшей напьюсь. Вот забыла, то ли я квашню-то творила к вечеру-то, то ли просто так-то, забыла. Но факт тот, что я печку затопила. Они одни молились. Утром-то видно, ак чё, тогда ещё корову держали, дак. Да ково, я корову подоила да отправила, они уж в пять там много намолились.

Малина была, молоко было, вот эдак вот: они отмолились бы, но и я маленько бы соклала, дак я бедно. Мы наелись до отвалу, раз к обеду посулились – в двенадцать она нас звала, в первом – мы к той поре пошли. И чё у них получилось: простые-те старухи рано пришли, самые-те главари пришли к двенадцати. Мы приходим – они только ешо начинают начал клась. К празднику не молено. Все дела. А чё они молиться. Евдокия им взяла, книгу подсунула. Мы молиться не знам. Ну, Евдокия тут это, чё надо читала, петь их заставляла. Ну, Иван

Семёныч сюда к нашим ходил, дак, Иван, я вот и Юля. Помогали мы маленько. А тожно после этого за Единомершего канон надо молиться. А Евдокии не надо книгу про это. Она так знат. Ну и... отмолились. А мне же надо корову встречать. А теленок-от у нас всё время дома же был. Вот от мálенька-то мы дома держали. Вот еких мы всех в поле гоняли. А если его отпустить в стае, дак шибко грезь много делат. Стяс вот козлята бегают, дак такое грязно, дак. Зесь он привязанной, там привязанной. Здись на коровьем мисте тут ись дадим, больше – всё как место-то. Чё ему было до меня его задевать, теленка-то. Он взял да его отпустил, да его хотел перевести. Он его растянул, да всё это вогнедо, да и брюки-те ешо, вот такой куплет, порвал. А я пришла к етому-то времю, так он до меня сунулса. Ну и... Я говорю, кто тебя просил? Ты бы не лез, не совалса. Придёт корова домой и ладно. А не придёт – надо по её идти.

Ак,.. вот нынче тоже молились не больно мы культурно к Прокопьеву-то дню. У Юли-то материе години, вот она котору похоронила-то Иришку – по ей надо помолиться и празднику надо помолиться. Я пришла не знаю во сколь, но из дома я вышла без двадцати ли, ровно ли пол восьмого, где-то этак. Пришла я первая – никого нет. Иван Семёнович мне попал навстречу – козу гонит. Тут пришли Амелян Андреевич, вот Марья Ивановна Урбелиха-то, Иван – нету. Я из поры выхожу. А чё, домой надо, да и кишки-то свистят. Зачали начал класть Ивану да Савельевне. Как это начал кладут так? Тоже так это велено? Втихаря! Какой твой грех? Я твой грех не знаю, ты мой – не знашь. Кланяются. Да я могу какой грех нагрешить, проститься эдак-то, куда... дажо в яму говорят. Ладно, кланяюсь, кланяюсь. Я уж тут ничё не сунулася. Ну, вобще-то мне не понравилось. У нас уж раз заведёно, чтоб звончеё и побыстрё. А у них тянется. Мне аллилуйя даже не получатся петь. А чё, её, Урбелиху, тожо обвинять нельзя. Она ко своей науке, наверно. Да, кто его знат, не знаю. И у её по матери-то, у Юли-то, и не помолились. ... Я хотела прочётом прочитать. В другую-то избу утти, дак прочётом. Урбелиха меня завыступала: “Чё, ты куды её повела?” С этой, с Агафьей. Так это... Так ведь тожно она в пятницу приходила к нам. Нет, правильно я говорю – во вторник».

Н.В. Литвина, архлаб